

Т. Г. Дубинина

*Московский городской педагогический университет
(Москва, Россия)*

ПУШКИНСКИЕ ПРЕТЕКСТЫ В ЛИРИКЕ И. С. ТУРГЕНЕВА

Ранние творения Тургенева, особенно поэтические, большинство исследователей обходит досадным молчанием. Досадным тем более потому, что именно в ранних, где-то еще ученических, но уже вполне самобытных литературных опытах молодого Тургенева закладываются те основополагающие вопросы мироустройства, те художественные образы и мотивы, которые будут разрабатываться писателем всю его творческую жизнь. Еще более интересным и важным представляется вопрос о литературных традициях, приемником которых стал Тургенев. Безусловно, творчество великих предшественников – Лермонтова, Гоголя, и, конечно, Пушкина – не могло не повлиять на писателя.

Несмотря на вышесказанное, работ на эту тему крайне мало. Тем более интересно попытаться сопоставить мнения видных ученых на данную проблему.

Одну из первых попыток системного анализа стихотворных произведений Тургенева предпринял С. Орловский (С. Шиль) (Орловский 1926). Отмечая, что в лирике молодого литератора нашли свое отражение практически все бытовавшие в то время стихотворные жанры – баллады, элегии, сатиры, послания, мадригалы и др., – исследователь выявляет в поэзии Тургенева в основном черты западноевропейской романтической традиции, в частности Ф. Шиллера.

Одно из самых обстоятельных исследований лирического наследия Тургенева принадлежит И. Г. Ямпольскому (Ямпольский 1970). В статье «Поэзия И. С. Тургенева» ученый последовательно анализирует поэтические сочинения художника, выделяя ряд характерных черт тургеневской поэзии разных периодов и основные традиции, которые начинающий поэт воспринял. Так, поэма «Стено», по мнению И. Г. Ямпольского, наследует романтические традиции Дж. Г. Байрона, В. А. Жуковского, В. Г. Бенедиктова, с типичными для этого литературного направления размышлениями о смысле жизни, о бренности всего земного. Исследователь обращается к элегическим началам лирики Тургенева («Вечер»,

«К Венере Медицейской»), что, по его мнению, свидетельствует об определенном влиянии творчества Жуковского, и, конечно, Ф. Шиллера. А в интересе Тургенева-поэта к рефлексии, скептицизму, самоанализу, характерным для русской литературы рубежа 1830–1840-х годов, И. Г. Ямпольский видит некоторую параллель с лирикой Лермонтова.

Обращается И. Г. Ямпольский и к любовной лирике Тургенева, в которой, по его мнению, уже отчетливо прослеживается влияние творчества А. С. Пушкина (стихотворение «К А. С.»). И дело не только в повторении онегинской ситуации – герой отвергнул любовь незаурядной девушки при первом знакомстве и влюбился в нее уже при второй встрече, увидев ее «богиней гордого страдания», – но и в манере описания переживания лирического «я». По мнению И. Г. Ямпольского, «впечатление достоверности <...> заложено в самом поэтическом тексте» (Ямпольский 1970: 45), что и сближает лирику Тургенева с творениями его великого предшественника.

Отдельно ученый касается темы природы. Именно в поэзии, считает исследователь, были заложены те основы в разработке этой темы, которые потом развивались в зрелом творчестве писателя (романах и повестях) и его поздних произведениях – стихотворениях в прозе. И вновь И. Г. Ямпольский говорит о влиянии поэзии Пушкина, где, как и у молодого Тургенева, «авторское мироощущение лишь просвечивает» (Ямпольский 1970: 49).

В книге И. А. Беляевой «Система жанров в творчестве И. С. Тургенева» (Беляева 2005) рассматриваются вопросы творчества писателя 1830–1850-х годов. По мнению исследователя, основная жанровая тенденция ранней лирики Тургенева – циклизация, которая была характерна для поэзии той поры, в том числе и для Пушкина. И. А. Беляева размышляет об авторских («Вариации», «Деревня») и неавторских лирических циклах («премухинский цикл») Тургенева. В последний вошли стихотворения, связанные с чувством поэта к Т. А. Бакуниной. Причину склонности писателя к циклообразованию исследователь видит в желании с его стороны целостного и наиболее полного, масштабного взгляда на мир и человека. Именно циклизация по своей жанровой природе отвечала этой задаче, давала художнику возможность «почти романного» внимания к лирическому «я» и служила «иммунитетом к односторонности» (Беляева 2005: 16).

Мы упомянули наиболее крупные, с нашей точки зрения, работы о тургеневской лирике. В целом же поэтическое наследие

Тургенева изучено скупо. Отчасти это объясняется тем, что до нас, к сожалению, дошли далеко не все тексты. Именно поэтому сложно размышлять о целостном влиянии творчества предшественников на лирику Тургенева. Однако представляется неверным говорить о том, что целостное изучение вопроса о влиянии пушкинского творчества на молодого поэта невозможно в принципе. Такие попытки обязательно нужно предпринимать.

Творческие интересы начинающего Тургенева-художника изначально были наиболее тесно связаны с лирикой. Известно, что период 1830-х – начала 1840 годов – время «пробы пера» писателя именно в стихотворной области.

Большинство текстов 1830-х годов до нас не дошли. Наследие 1840-х годов сохранилось лучше, однако и оно достаточно фрагментарно. Все это в известной мере затрудняет анализ лирики Тургенева в свете пушкинской и вообще любой другой традиции. Однако несколько текстов, на наш взгляд, явно отмечены художественным присутствием великого предшественника.

В большой степени это относится к стихотворению «К А. С.». В нем определяется несколько пушкинских мотивов. Во-первых, название. «К А. С.» само по себе акцентирует элегическую доминанту послания. Вынося в заглавие инициалы той, которой произведение посвящено, Тургенев следует традиции элегического стиля – Жуковского, Батюшкова и, в том числе, Пушкина. («К***», «Н. Н.» и др.). Заголовок можно смело соотнести с именем великого предшественника Тургенева еще и потому, что в тексте есть непосредственная отсылка к «Евгению Онегину»: «*Вы изменились, как Татьяна*» (Тургенев 1960: I, 50).

Кому адресовано стихотворное послание Тургенева, установить не удалось. В стихотворении очевидна «онегинская» аллюзия. Само упоминание имени пушкинского «милого идеала» дает возможность прочесть произведение именно в онегинском ключе.

Поэтический сюжет стихотворения в некотором смысле следует за романом. Встретив случайно молодую девушку и не обратив никакого внимания на то,

*<...> что в сердце молодом
Дремало легким, чутким сном,*

герой видит ее затем уже спустя время. Она сильно изменилась:

*Сияя страшной красотой,
Вы предстоите предо мной*

Богиней гордого страданья

(Тургенев 1960: I, 50 – 51).

И герой, потрясенный произошедшими изменениями, пытается понять, разгадать эту женщину, проникнуть в ее душу и стать ей ближе.

Соотнесенность героини с пушкинской Татьяной подчеркивается ее духовной полнотой, способностью к глубоким, сильным чувствам и переживаниям, иначе она бы не смогла предстать «богиней гордого страдания». Изменения, которые находит Онегин в Татьяне в восьмой главе романа, тоже результат глубоких душевных потрясений.

Близость к пушкинскому персонажу подчеркивается и описанием внешности, манеры держаться героини стихотворения:

*Я не слышал таких речей,
Я не видал таких плечей,
Такого царственного стана...*

(Тургенев 1960: I, 51).

Татьяна же предстает перед Онегиным

*Неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы*

(Пушкин, 1978: V, 153).

Соотнося героиню с пушкинским персонажем и используя в стихотворении форму первого лица, Тургенев, так или иначе, отсылает читателя к письму Онегина Татьяне.

Действительно, не оценив представленную ему девушку по достоинству, герой все же отмечает для себя

*Прекрасный, умный взгляд
И речи девственные звуки*

(Тургенев 1960: I, 50).

новой знакомой, подобно тому, как Онегин после первого знакомства говорит Ленскому, что при выборе между сестрами Лариными он

*...выбрал бы другую (сестру. – Т. Д.),
Когда б я был, как ты, поэт*

(Пушкин 1978: V, 51).

Однако в «сюжете» романа и стихотворения есть существенные расхождения. Нигде в стихотворении не сказано, что героиня влюблена в лирического героя. Она, восемнадцатилетняя девушка, «только что вступившая в свет», пытается поддержать разговор, но ответной реакции не получает:

Я (герой. – Т. Д.) даже вам не отвечал (Тургенев 1960: I, 50).

Если Онегин отказывает Татьяне, не чувствуя любви ни к ней, ни к кому-либо другому, то герой стихотворения во время знакомства с героиней влюблен:

Другую женщину я ждал <...> (Тургенев 1960: I, 50).

При второй же встрече он, в отличие от Евгения, не питает никаких надежд:

Нет, нет! я стар – нет, я вам чужд,

Давно в борьбе страстей и нужд

Я истощил и жизнь и душу

(Тургенев 1960: I, 51).

В последней строфе еще более утверждается разница между Евгением и лирическим героем тургеневского стихотворения. Если Онегин пришел к великому открытию любви, и духовная сторона его личности, наконец, оказывается на первом плане (он обретает душевную силу и готов открыться жизни), то тургеневский герой к подобным проявлениям еще не способен. Любовь прошла, как сон,

И безотрадный и напрасный (Тургенев 1960: I, 50).

Взамен нее ничего не осталось. Надежд на счастье у героя нет. Трагизм тургеневского понимания любви и человеческой жизни вообще предстает в этом стихотворении в новом ракурсе. Не в силах разглядеть и удержать истинные ценности в бурном потоке жизни, человек истощает «и жизнь и душу» в бесплодной «борьбе страстей». Такая борьба иссушает внутренние, духовные силы, и он увядает, не создав и не почувствовав ничего истинно ценного. Любовь или то чувство, которое он так называет, скоротечно, и не в силах человека его удержать. Оно не оставляет в душе ничего, кроме разочарования.

Подчеркнув, что название стихотворения отсылает читателя к пушкинским любовным и дружеским посланиям, к знаменитому «К***» («Я помню чудное мгновенье...»), нельзя не провести некоторые параллели с этим произведением.

Лирический сюжет стихотворений схож. Он строится по схеме встреча-разлука-встреча. Кроме того, первая строка «К А. С.»

Я вас знавал... тому давно (Тургенев 1960: I, 50)

отсылают нас пушкинскому

Я помню чудное мгновенье (Пушкин 1977: III, 238).

Конечно, говорить о прямой соотнесенности здесь нельзя, но некоторое сходство все же есть. Но если пушкинский герой вспоминает встречу с возлюбленной в светлых тонах, то тургеневский испытывает досаду на самого себя:

*Мне, право, стыдно и грешно,
Что я тогда вас не заметил*

(Тургенев 1960: I, 50).

У Пушкина герой будет страдать от разлуки с «гением чистой красоты» (Пушкин 1977: III, 238), у Тургенева – не вспомнит о юной барышне. Заключительные строки «К***» говорят о душевном подъеме героя, он вновь полон надежд на счастье. В финале «К А. С.» герой никаких надежд не испытывает. Видимо, он не верит в саму возможность счастья для себя.

Тургеневское видение любви отлично от пушкинского. Любовь осмысливается им скорее трагически – это скоротечное и очень хрупкое чувство. Более того, оно, как тогда, видимо, представлялось Тургеневу, не способно вызвать душевный переворот, помочь современному человеку стать чище, лучше.

В «К А. С.» очень важна элегическая составляющая, ведь элегизм не чужд трагизму. У Пушкина мы также встречаемся с элегической интонацией сладостной уединенной грусти. Подобные ноты есть и в тургеневском послании, более того, позже они перейдут в его романы, где станут заметной, если не доминирующей тональностью – это элегическое переживание трагической мимолетности любви, невозможности встречи и узнавания друг друга.

Думается, что в своем любовном послании Тургенев «помещает» романную ситуацию в элегический контекст, чтобы ее по-новому, в соответствии с современной ситуацией, переосмыслить.

Образ лирической героини в тургеневском стихотворении «К***», предположительно посвященном Т. А. Бакуниной, близок образу возлюбленной одноименного пушкинского стихотворения. Лирические герои питают к избранницам своего сердца нежное чувство, которое переживается как единственное. Любовь и у Тургенева, и у Пушкина мыслится далеко не одномоментным переживанием, возлюбленная возводится ими на пьедестал: у Пушкина она источник жизни и вдохновения, у Тургенева – «*сестра души моей*», «*друг единый*», «*любовь последняя моя*» (Тургенев 1960: I, 55). Интересно, что всю полноту жизни лирические герои и у Пушкина, и у Тургенева могут испытать только рядом с возлюбленной.

Пушкинские черты в тургеневском «К***» проявляются не только в образе возлюбленной, но и в композиции стихотворения. У Пушкина произведение строится как цепь ощущений –

встреча с Ней, переживаемая как очень яркий, счастливый момент жизни, разлука, в которой герой страдает, и снова встреча, когда герой обретает счастье.

В стихотворении Тургенева наблюдается также определенная последовательность событий, только подчиняется она природному циклу, а не циклу человеческих переживаний:

*Через поля к холмам тенистым
Промчался ливень... Небо вдруг
Светлеет...*

(Тургенев 1960: I, 55).

Таким образом, отношения влюбленных получают дополнительную психологическую определенность в соотнесении с явлениями из мира природы – сначала была гроза, потом она закончилась, и природа вновь обрела красоту и гармонию:

*Как отдыхает сладострастно
На каждой ветке каждый лист!*

(Тургенев 1960: I, 55).

Идиллия данного пейзажа, думается, оттеняет идиллию, царящую в тот момент в отношениях влюбленных. Кроме того, Тургенев упоминает и еще об одном природном явлении: речь идет о заре. И в стихотворении появляется еще один цикл, условно назовем его «дневным», – от восхода солнца к закату. Причем влюбленные воссоединяются на закате, когда ливень прошел и природа гармонична:

*Когда заря взойдет, пылая,
Над успокоенной землей, –
Позволь сидеть мне молчаливо
У ног возлюбленных твоих...*

(Тургенев 1960: I, 55).

Думается, в своем стихотворении Тургенев усваивает и существенно творчески, с учетом своих натурфилософских взглядов, перерабатывает поэтику пушкинского шедевра.

Стихотворение «Цветок» уже благодаря своему названию напрямую соотносится с лирикой великого предшественника Тургенева. Поскольку пушкинский «Цветок» был опубликован во втором номере журнала «Галатей» за 1829 год (Томашевский 1977: III, 422), можно с большей степенью уверенности предположить, что начинающий поэт был знаком с текстом этого стихотворения.

Лирический сюжет произведений различен. У Пушкина случайно найденный в книге засохший цветок служит отправной

точкой для размышлений лирического героя. Он задумывается о том, каким путем цветок попал в книгу, кем и когда был сорван, о судьбе людей, в чьих руках побывал. Занятый «мечтою странной», герой представляет себе «нежное свидание», «одинокое гуляние» и «разлуку роковую», в память о которых цветок и был «положен» в книгу. Отдельное место в размышлениях лирического героя занимает дальнейшая судьба «выдуманных» им персонажей:

*И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или они уже увяли,
Как сей неведомый цветок?*

(Пушкин 1977: III, 84).

Такие мысли и настроения напрямую восходят к жанру элегии. Грусть по ушедшему, сладостные размышления наедине с собой – все это присуще элегии. Ощущение скоротечности и бренности всего земного, органично вплетенное здесь в ткань мечтаний лирического героя, создает особое настроение и придает всему стихотворению философскую окраску. Эта элегия отчасти близка «Сельскому кладбищу» Жуковского (1802), однако доминирующим здесь остается ощущение светлой грусти.

Тургеневскому тексту также присуща мысль о бренности всего земного, но звучит она иначе. Лирический герой размышляет о судьбе сорванного и вставленного в петлицу цветка. Если пушкинский герой находит цветок уже засохшим, то тургеневскому он явится еще живым и свежим:

*Тебе случалось – в роще темной,
В траве весенней, молодой,
Найти цветок простой и скромный?
(Ты был один – в стране чужой.)*

*Он ждал тебя – в траве росистой
Он одиноко расцветал...
И для тебя свой запах чистый,
Свой первый запах сберегал*

(Тургенев 1960: I, 29).

Стихотворение начинается с изображения гармоничной картины природы, но заканчивается гибелью цветка, всего несколько минут послужившего человеческой прихоти:

*И вот, идешь дорогой пыльной;
Кругом – все поле сожжено,*

*Струится с неба жар обильный,
А твой цветок завял давно*

(Тургенев 1960: I, 29).

Думается, основную идею стихотворения можно определить как мысль о бренности красоты, ее недолговечности перед лицом враждебного окружающего мира, недаром «тени спокойной», где вырос цветок, противопоставлена картина выжженного поля. У тургеневского цветка «стебель зыбкий», что еще раз подчеркивает мимолетность, непрочность его жизни. Более того, в тот момент, когда герой срывает цветок (то есть губит), на губах его улыбка:

*И ты срываешь стебель зыбкий.
В петлицу бережной рукой
Вдеваешь, с медленной улыбкой,
Цветок, погубленный тобой*

(Тургенев 1960: I, 29).

Возможно, таким образом подчеркивается могущество темных сторон бытия. Эти строки рождают ассоциацию с демоническими силами, которые губят жизни с улыбкой, получая от этого удовольствие. В этой связи достаточно вспомнить слова Мефистофеля из трагедии И. В. Гете «Фауст»:

*Увидят эти люди цвет, бутон
И тотчас же сорвать его готовы*

(Гете 1976: II, 99).

Интересно, что в пушкинском стихотворении употребляется местоимение «я», а в тургеневском – «ты». Автор последнего дополнительно разграничивает себя и героя, как будто наблюдая за происходящим со стороны.

Особый трагизм сопереживанию смерти цветка придает тема рока:

*Так что ж? напрасно сожаленье!
Знать, он был создан для того,
Чтобы побыть одно мгновенье
В соседстве сердца твоего*

(Тургенев 1960: I, 29).

Пушкинской светлой грусти в этом стихотворении почти нет, на смену приходит трагическое ощущение непрочности красоты, мимолетности жизни. Такое мироощущение характерно для ранних произведений Тургенева в целом, что убедительно доказал в своей работе Р.- Д. Клуге (Клуге, 1993).

Итак, в самых ранних стихотворных опытах Тургенева, сначала еще ученических, а потом вполне самостоятельных, чувствуется пушкинское влияние. Немало стихотворений и лирических циклов («Цветок», «К***», «Деревня») названы молодым поэтом словно вслед за великим предшественником. И хотя в них предстает другая творческая индивидуальность, лирический герой, иная картина мира – названия говорят о напряженном, пристальном внимании Тургенева к пушкинскому творчеству. Элегизм, присущий многим произведениям Пушкина, унаследован Тургеневым вполне.

Однако если у Пушкина преобладают интонации сладкой грусти, лирически-светлый взгляд на мир, то у Тургенева элегизм зачастую сопряжен с трагизмом, причем трагизм выходит на первый план: таковы мотивы тленности и краткости красоты, неспособности человека к истинной любви, трагического одиночества лирического героя и равнодушия Бога к его страданиям.

Тургенев-поэт зачастую творчески перерабатывает композиционные приемы лирических сочинений Пушкина. Так, в стихотворении «К***» начинающий литератор следует за композицией одноименного стихотворения великого предшественника. Пушкинский текст строится как своеобразный цикл: встреча-разлука-встреча. Тургенев оставляет циклический принцип построения, однако его цикличность подчиняется уже не событиям встречи и разлуки, а природным метаморфозам – от восхода солнца к его закату и от грозы к сияющему солнцу.

Таким образом, уже в лирике художник идет не только по пути усвоения пушкинской традиции, но и по пути творческой с ней полемики.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляева И. А. Система жанров в творчестве Тургенева / И. А. Беляева. – Москва: МГПУ, 2005.
- Беляева И. А. Литературные параллели: Пушкин – Тургенев / И. А. Беляева // «...Главный светоч нашей литературы»: Сб. статей к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. – Москва: МГПУ, 1999.
- Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб. пособие. – Москва: Высшая школа; издательский центр «Академия», 1999.

- Гете И. В. Собр. соч.: В 10 тт. / И. В. Гете. – Т. 2. – Москва: Художественная литература, 1976.
- Гроссман Л. П. Ранний жанр Тургенева / Л. П. Гроссман // Цех пера: эссеистика. – Москва: Агаграф, 2000.
- Дмитриева Н. Л. Роза у Пушкина и Тургенева / Н. Л. Дмитриева // Русская литература. 2000. №3.
- Истомин К. К. «Старая манера» И. С. Тургенева (1834–1855): Опыт психологии творчества / К. К. Истомин // «Известия Отделения русск. яз. и слов. Акад. Наук». – Т. 18. – Кн. 2, 3. – Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии Наук, 1913.
- Клуге Р.–Д. Идеино содержание раннего поэтического творчества И. С.Тургенева / Р.–Д Клуге // И. С.Тургенев и современность: Междунар. науч. конф., посвящ. 175–летию со дня рождения И. С.Тургенева: Доклады и сообщения 2-6 нояб. 1993 г. – Москва: Диалог-МГУ, 1997.
- Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев и русская литература / Г. Б. Курляндская. – Москва: Просвещение, 1980.
- Курляндская Г. Б. Тургенев и Пушкин / Г. Б. Курляндская // Тургенев и русские писатели: 5-й межвуз. тургеньевский сборник. – Курск: Курский гос. педагогический ин-т, 1975.
- Мостовская Н. Н. «Пушкинское» в творчестве Тургенева / Н. Н. Мостовская // Русская литература. – 1997. – №1.
- Орловский С. Лирика молодого Тургенева / С. Орловский. – Прага: Пламя, 1926.
- Пушкин А. С. Полное собр. соч.: В 10 тт. / А. С. Пушкин. – 4-е изд. – Т. 3. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977.
- Пушкин А. С. Полное собр. соч.: В 10 тт. / А. С. Пушкин. – 4-е изд. – Т. 5. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978.
- Томашевский Б. В. Примечания / Б. В. Томашевский // Пушкин А. С. Полное собр. соч.: В 10 тт. – Т. 3. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977.
- Трофимова Т. Б. «Как хороши, как свежи были розы»... (Образ розы в творчестве И. С. Тургенева) / Т. Б. Трофимова // Русская литература. – 2007. – №4.
- Тургенев И. С. Полное собр. соч. и писем: В 28 тт. / И. С.Тургенев. – Т. 1. – Москва; Ленинград: Издательство Академии наук, 1960.
- Ямпольский И. Г. Поэзия И. С. Тургенева / И. Г. Ямпольский // Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. – Ленинград: Советский писатель, 1970.

Pushkin' s Pretexts in I. S. Turgenev' s Lyrics

Summary

Employing the examples of early poems "On the A.S.", "K***", "Flower" by I. S. Turgenev, the article discusses the attitude of the beginning writer I. S. Turgenev towards A. S. Pushkin's lyrics. An attempt is made to analyse the creative debate of the young Turgenev with his great predecessor, which later became an important step towards continuation of the tradition of Pushkin in the mature works by the novelist Turgenev.

Keywords: *Turgenev, lyrics, Pushkin, tradition.*